Библиотечка охотника

Н. Н. Челищев

О НАГАНИВАНИИ ГОНЧИХ

Издание Т-ва „Московский охотник"

Краткое руководство для молодых охотников

Н. Н. ЧЕЛИЩЕВ

О НАГАНИВАНИИ ГОНЧИХ

Издание
Пром.-Кооп. Т-ва „МОСКОВСКИЙ ОХОТНИК"
1928

О НАГАНИВАНИИ ГОНЧИХ.

Чтобы успешно охотиться с какой бы то ни было породой собак, необходимы два непременных условия: во-первых, всякая охотничья собака должна обладать прирожденными качествами, дающими возможность добывать с ней птицу или зверя, и, во-вторых, прилежание и труд самого охотника, направленные к развитию этих качеств.

Что касается прирожденных качеств собаки, то путем правильного ведения породы—подбора производителей по внешнему виду, по кровям и по внутренним качествам развитие в собаке наиболь-ших способностей—достигается человеком, так сказать, без прямого воздействия на нее, но этого недостаточно для того, чтобы собака стала его помощником на охоте. Ей надо дать понять, для чего она создана и как она должна исполнять свои обязанности.

Для осуществления этой цели охотниками выработаны известные приемы, которые в общем называются у охотников с легавой „натаской", у охотников же с гончей „наганиванием" или „нагонкой".

Вот эти-то приемы в отношении к гончей и будут служить предметом изложения в настоящей брошюре.

Наганивание или нагонка начинаются только тогда, когда гончая перейдет щенячий возраст и из щенка сформируется в настоящую собаку, т.-е. разовьется достаточно физически и до некоторой степени умственно. Этот период наступает у нее, приблизительно, в возрасте от 8—9 месяцев, в большинстве же случаев, когда она погодует, т.-е. будучи года от рождения. Нельзя, однако, до этого возраста оставлять гончего щенка без призора, и внимание охотника неусыпно должно быть обращено на его воспитание. От этого воспитания сильно зависит, как увидим впоследствии, успех самой нагонки, а потому я считаю необходимым прежде всего упомянуть о нем.

Первые уроки воспитания. Первые уроки воспитания обыкновенно начинаются уже с двухмесячного возраста, когда щенки приучатся к корму и станут кое-что понимать. С этого времени необходимо начать обучение их дисциплине, т.-е. послушанию.

Достигается это на первых порах тем, что щенкам не позволяется самопроизвольно бросаться к корму.

Поставив перед щенками посуду с кормом, не надо пускать их соваться без позволения к корму, пытающихся же сунуться к посуде отгонять от нее тонким прутиком, а потом и нахвостником арапника, называя по имени и строго окрикивая, напр. так: „Заливай! стой! стоять!", а затем, выдержав некоторое время, разрешать им есть, повторяя постоянно одно и то же принятое всеми охотниками слово: „дбруц!" Этим достигается у щенков привычка к одним и тем же словам,

запрещающим или позволяющим им порываться вперед. В этом заключается учеба щенков, приблизительно, до пятимесячного возраста, когда их начинают приучать к хождению на сворке или на смычке.

Приучение к сворке и смычку. Для этого надевают на щенка ошейник и застегивают его так, чтобы он не мог соскочить с шеи, и пускают в нем гулять. Первое время щенок будет прыгать и скрести лапами шею, стараясь освободиться от неприятной обузы, но затем быстро привыкнет и позабудет о нем. В ошейнике надо его оставить дня на два, на три, а затем, когда он окончательно с ним свыкнется, следует время от времени подзывать его к себе и, слегка потягивая на ошейнике, стараться двигаться вперед. Сначала щенок, конечно, будет упираться, подпрыгивать, трясти головой, стараясь вывернуться, но тут надо его огладить и дать какой-нибудь вкусной прикормки, вроде кусочка мяса или белого хлеба и вновь начать двигаться вперед, держа его за ошейник, а затем огладить и пустить гулять, отнюдь не надоедая ему долго обучением. Постепенно, раз от раза, щенок будет привыкать к этой потяжке на ошейнике, а затем начнет свободно на нем ходить.

После того, как щенки, если их несколько, станут хорошо ходить на ошейниках, их можно приучать к смычкам, т.-е. к хождению связанными попарно.

Для этого соединяют ошейники двух щенков или ремнем или цепочкой вместе так, чтобы длина этого ремня или цепочки равнялась, приблизительно, 1/3 метра. Связав, таким образом, щенков за ошейники, охотник становится впереди и зовет их за собою, приговаривая: „сюда! сюда!“ и показывая прикормку, идет вперед. Сначала более смелые щенки рванутся за ним, а более робкие несколько упрутся, и выйдет между ними как бы передержка, но затем более смелые потащут робких за собою, а эти последние, чем дальше, тем пойдут спокойнее и ровнее и через одну — две проводки станут свободно ходить на смычках. Во время таких проводок надо обращаться с щенками возможно ласковее и отнюдь не пускать в ход арапника, этим можно только запугать их, но никак не выучить. Лучше всего щенков приучать к смычку со старыми собаками. Для этого к каждой старой собаке „примыкается“ (присоединяется на один смычок) щенок, и затем охотник зовет их к себе. Старые собаки тотчас потянут за собою щенков и будут их тянуть, несмотря ни на какие их старания отвертеться, а потому вскоре щенки покорятся своей участи и послушно побегут за охотником.

Приучение к рогу. С этого же, т.-е. пятимесячного возраста, их начинают приучать и к рогу. Знание рога имеет огромное значение при нагонке гончих, а потому этого приучения нельзя ни в коем случае отвергать. Достигается это тем, что перед кормом щенкам, да и вообще всем гончим, постоянно трубят „позыв“ в рог, т.-е. играют на рогу известный мотив, всегда одинаковый, который они очень хорошо запоминают. Впоследствии, на охоте, зная, что после „позыва в рог“ им каждый раз давали корм, гончие станут быстро „валиться“ (выходить) на

зов, а это для них весьма важное достоинство, называемое „позывистостью“. Я только что сказал, что на рогу играют известный мотив всегда одинаковый. Это необходимо, потому что гончие, запомнив мотив своего хозяина, при встрече на охоте с другими охотниками, будут „валиться“ только на свой рог и не пойдут на чужой. Важен при этом, конечно, и самый тон или звук рога, так что на охоте надо преимущественно стараться употреблять тот рог, в который звали при кормежках и к тону которого привыкли гончие.

Как историческую справку, приведу тот факт, что в охотах прежнего времени были определенные мотивы „позывы“ даже по губерниям; так у калужских охотников был один мотив во всех охотах, у тульских другой и т.-д., но тогда охоты никогда почти не соприкасались одна с другой, и каждая из них брала места вперед условленные между владельцами охот, чтобы не мешать друг другу, и одинаковый мотив „позыва“, т.-е. самая мелодия, был лишь роскошью, чем гордились охотники одной губернии перед охотниками другой.

В настоящее время, когда охотники часто встречаются с другим в одних и тех же местах, к мотиву позыва и тону рога непременно надо приучать гончих, чтобы они не увязывались за чужими.

Проводка молодых гончих. Когда молодые гончие хорошо станут ходить на смычках и узнают рог, тогда надо с ними ходить на проводку в поля и стараться проходить чаще мимо стад, особенно с мелким скотом.

В этом случае лучше всего ходить вдвоем, чтобы один шел впереди, а другой сзади гончих,

и все время следить, чтобы они не настораживались на скотину, и лишь только которая-нибудь из них поднимет голову или подпрыгнет, увидав скотину, немедленно окрикнуть ее по кличке и вытянуть хорошенько арапником. „Этим гончие приучаются к „вежливости“.

Если у охотника, каких теперь самое большое количество, растет один или два щенка, то они обыкновенно растут на воле, бегают на дворе, а то и в полях и, конечно, хорошо знакомы со стадами, почему и приучения к ним не требуют, если же гончих много, то они обыкновенно содержатся на псарных дворах и приучать их к скотине необходимо, иначе впоследствии можно горько раскаяться.

Если стая большая, то при ней всегда должен быть „доезжачий“ (управляющий стаей) и „выжлятники“ (его помощники).

Доезжачий всегда должен обращаться с гончими мягко и ласково, а если надо ударить собаку, то это делают выжлятники.

Доезжачего гончие должны любить, выжлятников же бояться пуще огня.

Приучение к „стойке“. Убедившись, наконец, что молодые собаки стали хорошо ходить на смычках и привыкли к скотине, можно с ними подходить и к острову, но отнюдь еще не „размыкать“ (не снимать смычков), а постоять с ними под островом (лесом) минут 10—15, а затем снова увести в поля и вернуться домой. Это называется приучением к „стойке“. Стойка под островом абсолютно необходима для стаи, особенно при охоте по волкам, т.-е. зверям очень чут-

ким и осторожным, потому что не выдерживающая стойки стая может не во-время и без позволения доезжачего „сорвать" (броситься в остров) и испортить все дело, например, когда охотники еще не расставились по лазам (назначенным местам).

Чтобы гончие привыкли стоять под островом, поступают так: доезжачий, остановив стаю под островом, оставляет ее под наблюдением выжлятников, а сам уходит прочь от острова в поле, сперва недалеко, а затем с каждым разом все дальше и дальше и, остановившись, зовет в рог, выжлятники же, услыхав рог и зайдя со стороны опушки острова, хлопают арапниками и кричат: „К рогу! Вались к рогу!" и направляют стаю к доезжачему.

Этим стая приучается валиться на рог доезжачего в сторону, противоположную острову, а потому и не знает, набросят ее в остров или нет, а раз она этого не знает, то и приучается стоять спокойно.

Вот все, чему надо обучить гончих перед тем, как приступить к наганиванию, и теперь я перехожу к описанию приемов, употребляемых при нем.

НАГАНИВАНИЕ.

В то время, как у охотников с легавой приемы дрессировки и натаски собак выработались давно, и специалисты этого дела все больше и больше их совершенствуют, подготовка и наганивание гончих собак до сей поры шла и идет путем поговорки: „всяк молодец на свой образец", и много на моих глазах способных и дельных гончих испорчено неумелой нагонкой. Поэтому, приняв на себя труд изложить приемы нагонки

гончих, я думаю тем самым заложить первый камень в то здание, которое будут строить охотники-гончатники после меня.

К наганиванию гончих щенков надо приступать не ранее, чем им исполнится год. До этого возраста в большинстве они не успеют еще, как следует, развиться и окрепнуть, а потому могут надорваться на гону, сесть на ноги и вообще получить такие повреждения организма, которые останутся у них на всю жизнь.

Оговорюсь немного, что если у охотника только один щенок и его приходится наганивать в одиночку, то тут еще можно несколько поступиться указанным мною сроком и начать нагонку хотя бы с десятимесячного возраста, однако, и тут надо особенно щадить его силы и не злоупотреблять тем, что щенок начал хорошо гонять и стало быть с ним можно охотиться по целым дням или давать ему на проводках гонять по нескольку часов подряд. Повторяю, что это вредно отзовется на здоровье щенка, а, может быть, приведет и к его гибели.

Гончие наганиваются или одиночками или смычками и стаями, и сообразно с этим различны и приемы наганивания. Кроме того, приемы эти разнятся еще и по зверям, для охоты на которых подготовляются гончие, а потому эти приемы я буду излагать отдельно.

Большинство охотников в настоящее время имеют по одной—по две собаки, и потому я главным образом остановлюсь на наганивании одиночек.

Наганивание одиночек производится двояким способом: по вольному и по подсадному зверю. С одной собакой возможна охота только по зай-

цам и лисицам; на волков же с одною собакой охотиться невозможно, поэтому при дальнейшем изложении под словом зверь надо подразумевать только первых. Как я сказал выше, наганивание одиночек может начинаться с десятимесячного возраста, однако, надо иметь в виду в этом случае темперамент собаки, и если она горяча, т.-е. очень энергична, так что не жалеет своих сил, то такую собаку лучше подождать наганивать до годовалого возраста из боязни затянуть ее. Если же щенок хладнокровен, более спокойного характера, то почти безбоязненно можно начинать нагонку с выше сказанного возраста.

Начинается нагонка, прежде всего, с того, что собаке стараются показать зверя. Это, конечно, легче всего сделать там, где его много, а потому на первое время надо выбирать для нагонки места, изобилующие, насколько возможно, зверем.

Подойдя к такому острову, охотник должен не сразу пускать собаку, а немного постоять с нею и дать прикормку, затем войти в остров, и там сняв с нее ошейник, пустить. Некоторые собаки сразу кидаются в остров и начинают бегать по кустам, удаляясь иногда на довольно далекое расстояние от охотника, такие собаки наперед обещают „глубокий полаз" (широкий поиск), а другие бегают близко, иные же совсем не отходят от ног, однако, это еще не означает, что со временем они не станут искать глубоко. Раз собака не боится удаляться от охотника, ему нет нужды самому лезть в кусты или лес, а можно с одинаковым успехом итти по лесным дорожкам, изредка „порская", т.-е. ободряя криком собаку.

Там, где зверя много, молодая собака легко может наскочить в кустах на него, и это лучше и важнее всего. Раз зверь вскочит из-под ее чутья (морды), всякая молодая собака, если только она настоящая гончая, обязательно кинется за ним в голос и первое время прогонит его только на глазок, а затем начнет тотчас обнюхивать его след и изредка отзываться, еще не доверяя себе самой. В это время охотник должен стараться держаться возможно ближе к собаке и ободрять ее порсканьем не громким, но подзадоривающим. От этого порсканья собака, чувствуя близость охотника, начинает азартнее искать и постепенно выправляет след, собака же верхочутая быстро мчится вперед и потому скорее снова ловит зверя на чутье. Как только собаке удалось увидеть зверя и по поощрению своего хозяина она поняла, для чего ее взяли в лес, с этого времени главное основание нагонки в ней уже заложено, и остается только давать ей больше работы.

Не всегда, однако, так легко даются первые уроки. Большинство молодых собак, взятые в лес, пугаются его, конфузятся и не лезут далеко в кусты, а стараются поскорее возвратиться к хозяину. Тут уже надо самому охотнику итти кустами и вообще теми местами, где он по опыту знает можно найти зверя, и стараться его поднять и насадить на след или на него самого собаку. Как только охотник поднимет, таким образом, зверя, он должен побежать за ним и стараться возможно скорее показать его собаке, громко и азартно запорскав, чтобы заставить ее опередить себя и, поймать зверя на глазок. Если же это не удастся то должен употребить „наезд", т.-е. бежать к

следу и кричать: „аха-ха, аха-хо, ая-я, ая-я!" и показывать собаке рукой направление, по которому побежал зверь. В силу врожденного инстинкта каждая гончая, почуяв след зверя, а верхочут, поймав его самого на чутье, обязательно понесется следом и зальется в голос.

Первое время, конечно, редкая молодая собака долго продержит (прогонит) зверя, но чем больше она будет в работе, тем дольше и дольше будет ее гон и, наконец, гончая начнет работать по настоящему, т.-е. вести зверя до охотника.

Не все, однако, гончие, особенно при одиночной нагонке, сразу отдают голоса, но некоторые из них сначала идут молчком и так продолжают гонять, пока им не придется увидать зверя. Тут уже они не выдерживают и начинают голосить. Впрочем случаются между ними и такие, которые никогда не отдают голосов. Такие гончие называются „молчунами" и, как несоответствующие своему назначению, конечно, должны быть уничтожаемы.

Бывают еще и такие гончие, которые очень долго не принимаются за работу и ходят за ногами охотника чуть ли не всю осень, а потом вдруг начинают гонять, и из таких гончих очень часто выходили неумолчные гонцы. Тоже бывает иногда и с „молчунами", так что судить поспешно о их непригодности не следует, а надо все таки подержать таких собак до второй осени, и если на вторую осень они не примутся за дело, т.-е. не будут отдавать голосов, то тут уже делать нечего и ясно, что держать их нет смысла.

Итак, нагонка гончих начинается с того, что охотник должен показать им зверя, т.-е. дать им понять, по ком они должны гнать. Все прочее

зависит уже от их природного инстинкта и тех внутренних качеств, которыми природа их наделила.

Качества эти: чутье, добычливость, полаз, голос, поратость, злоба, вязкость, нестомчивость, крепконогость, вежливость и позывистость.

Все эти качества могут быть разделены на рода: 1) качества, которые могут развиваться в собаке только самостоятельно и усилия человека не могут оказать существенного влияния на их развитие, и 2) качества, которые, хотя и присущи данной собаке от природы, но могут быть развиты до высшей степени, благодаря умению и знанию дела самим охотником.

К качествам первого рода следует отнести: чутье, добычливость, голос, злобу, поратость, и нестомчивость, а второго: полаз (поиск), вязкость, крепконогость, вежливость и позывистость.

Таким образом при описании наганивания гончей качества первого рода нас интересовать не могут, так как развитие их не зависит от охотника, а потому мы и перейдем прямо к качествам второго и посмотрим, какими способами охотник может достигнуть их развития.

Начнем с полаза (поиска). Мы видим, что и легавая собака не сразу приобретает нужную человеку манеру поиска, но, применяя к ней известные приемы натаски, он доводит собаку до полного совершенства в этом отношении. Точно то же можно сделать и с гончей. Правда, собаке с коротким полазом дать глубокого полаза охотник не может, но развить его, насколько возможно, он все же в состоянии.

Для этого при наганивании употребляется частое и громкое порсканье, чтобы собака, отходя далеко, могла ясно слышать охотника. Тогда она не будет о нем скучать и, если она робка, что часто служит причиной короткого полаза, будет смелее искать на более далеком расстоянии и раз от разу еще больше смелеть и уходить в полазе дальше и дальше, а затем это у нее войдет в обыкновение, и полаз ее значительно углубится и раздастся в ширину.

Развивая полаз у неглубокой собаки, охотник точно также не должен окорачивать его у собаки с широким поиском.

Часто некоторые охотники, в большинстве неопытные, долго не видя в острове своей глубоко ищущей собаки, начинают беспокоиться и отчаянно трубить в рог, чем, конечно, возвращают к себе собаку, но тем самым безусловно сокращают с течением времени ее полаз и доводят иногда ее поиск чуть ли не до легавого, а с таким поиском нет возможности охотиться по красному зверю.

Надо помнить, что всякая охотничья собака, а в том числе и гончая, никогда не потеряет своего хозяина, и слишком удалившись от него, всегда сама позаботится его найти. Наблюдать же за тем, как она ищет, для охотника-гончатника нет нужды. Для него важно, чтобы собака нашла зверя, а раз она его найдет, то немедленно известит его об этом голосом. Нужно только, чтобы собака равнялась по охотнику, т.-е. всегда держала избранное им направление, что вполне достигается и без рога одним порсканьем.

Разумеется, раз охотник задумает очень круто повернуть в прохождении острова, он должен из-

вестить об этом собаку, и вот тут он может прибегнуть к рогу, но опять-таки не трубить до полного вызова собаки, а лишь протрубить позыв раз или два и притом после, как изменит уже направление. Слух собаки много острее слуха человеческого, а потому и всякое изменение звука, в том числе и при повороте, быстро замечается собакой, и трубить долго—это значит трубить без толку.

Собака может не послушаться звука рога лишь в том случае, если она напала на след зверя или причуяла его самого и занялась его розыском, а потому и в этом случае трубение ни к чему не приведет. Я сказал ранее, что громко и часто порскать надо для собаки, обладающей коротким поиском, чтобы тем самым ободрить ее к более глубокому полазу, но раз собака от природы обладает таким полазом или приобрела его путем умелого наганивания, частое порсканье совершенно излишне, и надо только изредка криком давать знать собаке место своего нахождения, чтобы не заставлять ее обращаться к розыску хозяина и не ввести молодую собаку в искушение при этом розыске отозваться даже в голос по его следу, что иногда обращается у некоторых собак в дурную и досадную привычку.

Упомяну еще по отношению к полазу одно весьма важное, замеченные мною, обстоятельство.

Гончая собака в большинстве обладает очень сильною памятью на места, где с нею постоянно или много раз охотились, и особенно на те места острова, где ей удавалось найти зверя, а потому прямо с напуска обязательно направляется в острове к этим местам и особенно старательно их обыскивает. Такой полаз на знакомые места почти

всегда увенчивается успехом, так как и зверь в острове, в силу прирожденного инстинкта, ложится, приблизительно, в одних и тех же местах, например, более крепких, т.-е. густо заросших травою, кустарником или мелким ельником, и с помощью этой памяти собака скорее добывает зверя, не носясь, зря, по пустым местам. Теперь перехожу ко второму качеству — вязкости.

Вязкостью, как известно, называется такое ничем не заменимое и непременное качество гончей собаки, без которого охота с ней невозможна и которое заключается в том, что, раз найдя зверя, она уже не бросает его и гонит до тех пор, пока он не будет перенят и взят охотником тем или иным способом.

Вязкостью обладают далеко не все гончие собаки, но, по-моему, это есть плод неумения самого охотника.

Если только гончая собака кровна и породна, то все задатки стать хорошим гонцом у нее должны быть налицо и если она будет бросать гнать зверя после первого скола и не станет, как говорят охотники, „искать упалого“ (запутавшего след или залегшего и затаившегося зверя), то тут по большей части вина не ее, а испортившего ее неумелым наганиванием хозяина.

Чтобы при наганивании приучить собаку к вязкости, надо прежде всего, после того как она узнает зверя, выбирать для дальнейшей нагонки острова с возможно меньшим количеством зверя. Это делается для того, чтобы гонный зверь не подменялся другим и чтобы, таким образом, собака все время гнала по одному и тому же и тем приучалась к розыску упалого.

Обязанность охотника в данном случае заключается в том, что, раз собака скололась, т.-е. перестала подавать голос и, значит, потеряла с чутья запах следа или самого зверя, он должен подождать некоторое время, не отзовется ли она сама без его помощи. Когда же собака смолкла на продолжительное время и, следовательно, стеряла зверя окончательно, охотник должен тронуться со своего места и, определив по слуху место скола, молча спешить к этому месту. Подойдя, по своему расчету, близко, он должен запорскать, чтобы ободрить, а то и вернуть к этому месту, очевидно, удалившуюся от него собаку.

Надо сказать, что там, где собака смолкла, еще не есть место, на котором „смастерил“ (обманул собаку) зверь. Обыкновенно на некотором расстоянии после „сметки“ (крутого поворота или лежки) зверя собака, проносясь, продолжает подавать голос, поэтому место, где он смастерил, всегда находится сзади того, где она перестала гнать.

Чтобы найти смастерившего зверя, необходимо сделать с собакой круг, сначала небольшой, а затем все шире и шире, постоянно ободряя ее порсканьем, и ни в коем случае не уходить без того, чтобы зверь снова был поднят. Так надо поступать и при следующих сколах. Конечно, тут требуется от охотника много хладнокровия и терпения, столь несвойственных ему, но делать нечего, если кто хочет иметь вязкую собаку, должен взять себя в руки и настойчиво проделывать эту операцию во все время нагонки и даже потом, при охоте с собакой. Этот его труд вознаградится сторицею впоследствии и даст ему много

приятных и вполне удовлетворяющих его моментов на охоте.

Следующие три качества: крепконогость, вежливость и позывистость достигаются исключительно выкормкой и воспитанием собаки. Крепконогость это такое качество, при котором собака ни при каком грунте не подбивается, т.-е. не сдирает себе подошв лап, и достигается это тем, что с щенячьего возраста и далее собаку постоянно держат на твердой почве. Для наганивания это качество значения не имеет, а потому я его пропускаю, но следующее качество — вежливость — должно быть развито в собаке ее воспитанием ине испорчено наганиванием, а потому не коснуться его нельзя.

Качество это заключается в том, чтобы собака ни в коем случае не „металась“ (бросалась) на скотину. Не всегда, однако, от этого порока можно отречься. Есть собаки, которые по породе своей „скотинники“, и ни один охотник тогда не в силах отучить их от метания на скотину. Такие собаки, конечно, должны быть уничтожаемы. Другое дело, если собаки этого врожденного порока не имеют. Тут нужна лишь простая осторожность и суровое пресечение всякой попытки кинуться на скотину. Это достигается воспитанием с самого малого возраста, когда за такой попыткой обязательно и неуклонно следует наказание арапником. При наганивании же надо особенно следить, чтобы в острове не было мелкой скотины.

Наконец, последнее качество — позывистость тоже дается отчасти при наганивании. Для развития его, мы уже видели раньше, нужно при кормежка, и лучше „валились“ (спешили) на него, а при наганивании всякий раз, как собака приходит к хозяину на его вызов, он обязан давать ей самой вкусной прикормки вроде кусочка мяса, косточки и т. п.

Бывают, однако, очень упрямые собаки, которые ни в коем случае не хотят итти из острова, хотя в нем уже ничего нет, и бегают по нем попусту, пока не услышат, что хозяин их стал удаляться в сторону, противоположную от них. Тогда только они направляются к нему и следуют лесом, где-нибудь стороной, пока он не выйдет из острова, а затем догоняют его уже в поле. Таких собак обыкновенно учат двое. Один становится на опушке острова и зовет в рог, а другой старается подловить собаку в острове и проучить ее арапником, крича: „К рогу! Вались к рогу!“. Впрочем, такое ученье, хотя и исправляет упрямую собаку, но не всегда, так как упрямство весьма упорный порок в собаке.

Вот те приемы, которыми совершенствуются качества гончих собак при наганивании. До сего времени мы говорили лишь о наганивании молодых гончих совершенно самостоятельно, т.-е. без старых. Бесспорно, что такой способ наганивания самый лучший и дает собаке большую самостоятельность в работе, однако, на практике способ этот весьма трудно осуществим теперь, при малом количестве зверя.

Чтобы облегчить эту трудность, молодых собак наганивают по большей части со старыми, причем, главным образом, необходимо, чтобы эти последние ни в коем случае не страдали такими пороками,

которые могли бы погубить молодежь, например, скотинничеством, слабоголосостью и т. п.

Как ни странно, но молодежь охотнее перенимает у старых пороки, чем достоинства, и надо это обстоятельство особенно иметь в виду при выборе старых собак для наганивания.

Приучение к выстрелу. После того, как молодая собака начнет сама хорошо гонять, т.-е. держать зверя в голос и справляться на сколах, надо ее приучать к выстрелу. Большинство из них выстрела не боятся, но есть и такие, которые от него могут сробеть, поэтому надо избегать с первого раза стрелять близко от собаки. После выстрела, если гонный заяц убит или заранен, надо непременно позвать на него собак, крича: „аха-ха, аха-ха, ая-я, ая-я!" и дать собакам его порвать и даже разорвать и с'есть. Это самое лучшее средство обазартить собак, и после этого они будут гнать втрое прилежнее и особенно горячо брать после выстрела. Многие охотники употребляют назыв еще и для того, чтобы вызвать упрямую, не выходящую на рог из острова собаку, но после нескольких таких обманов, собака перестает валиться на назыв, что впоследствии принесет весьма много неприятности охотнику.

Я говорил раньше, что самым главным моментом в наганивании гончих является тот, когда охотнику удается показать собаке или собакам зверя.

При нагонке по вольному зверю момент этот наступает быстро или медленно в зависимости от количества зверя в местности, избранной для наганивания, и потому наступление его весьма гадательно.

Наганивание по подсадному зверю. Этот недостаток восполняется тем, что собак пускают на след или даже на самого зверя, пойманного как-нибудь ранее, и это называется „наганиванием по подсадному зверю".

Зверем этим могут быть и заяц, и лисица и волк, а последний преимущественно, так как зайца или лисицу можно найти почти в каждом острове, волка же только на выводке в строго определенных местах. Для наганивания берут обыкновенно „прибылых" (молодых) из этих зверей. К задней ноге такого зверя привязывают тонкую и длинную бичевку, при чем для волка и лисицы конец бичевки, которым она привязывается к ноге, оканчивается метра на $1^1/_2$ мягкой проволокой, чтобы они не могли ее перекусить. Конечно, бичева должна быть очень длинной и смотанной клубком.

Затем на след, оставленный пущенным зверем, наводят гончую и начинают называть, как было сказано выше. Молодой зверь, отбежавши на некоторое расстояние, обязательно затаится или займется отгрызанием проволоки с ноги и в это время гончая успеет до него добраться. Необходимо при этом выбирать место такое, чтобы охотнику было видно, где затаился пущенный зверь и лишь только собака доберется по следу до этого места, надо дернуть за бичевку, чтобы его побудить и заставить бежать. Если зверь свежий, то, побудившись от подергивания бичевы, он еще пробежит несколько саженей, прежде чем гончая его заловит и возьмет. Отнимать зверя в этом случае не должно, а надо дать собаке потрепать его, как следует и даже до смерти.

После этого с собакой можно итти в лес и она наверное будет прилежно искать зверя.

Трудность подобного способа состоит в том, что не всегда можно найти подсадного зверя, особенно лисицу или волка. Должен сказать при этом, что одной молодой собаке обыкновенно волка не сажают, а пускают ее с одной или несколькими старыми, заведомо берущими волков и притом прямо на зрячего, т.-е. на чистом месте.

Здесь я должен упомянуть еще одно обстоятельство, проверенное мною многолетней практикой, что как гончая, так и борзая собаки лучше всего работают по тому зверю, которого им удалось первого взять и потрепать, поэтому при наганивании по подсадному зверю собакам надо первым давать того, на которого преимущественно собираются с ними охотиться.

Не все, однако, гончие гоняют по красному зверю (лисица и волк), а многие и весьма многие из них гоняют исключительно по зайцам, за что и именуются „зайчатницами". Меньшинство, наоборот, предпочитают красного зверя и за это называются „красногонами". Все здесь зависит, конечно, от того, в какой степени гончая обладает злобой, а без нее нагонять собаку по красному зверю невозможно.

Все мною сказанное выше относилось почти исключительно к способам наганивания одиночных собак, но при наганивании смычков и стай предъявляются еще некоторые другие требования и к описанию их я теперь перехожу.

Наганивание смычков и стай. Первым условием при наганивании, как смычков, так и стай является равность ног, т.-е. чтобы собаки были одинаковой паратости (резвости). Если только этого нет, то нет и ровного хорошего гона, потому что при разных ногах одни собаки будут гнать, а другие отставать, и получится разрыв стаи на две, на три и более частей, гоняющих в разных местах.

Стая равных ног получается прежде всего выкормкой возможно большего количества щенков одной породы, так называемых „однокорытников", т.-е. выкормленных у одного корыта. Это обстоятельство весьма важно ибо щенки выростая вместе, очень свыкаются между собой, знают прекрасно голоса своих товарищей, и затем в поле стоит только кому-нибудь из них отозваться, как все остальные с разных сторон поналягут на этот голос так, что только кусты будут трещать.

Кроме того, выростая вместе, они заранее выберут из своего числа тех, которым и по силе и по уму должны подчиняться и это подчинение перенесут затем и в поле (охоту), а потому стая скорее найдет своего вожака. Это в том случае, если она составляется исключительно из молодых собак. Если же в стае, что бывает почти всегда, будут находиться старые собаки, то, конечно, хотя бы на первую осень, молодые станут в подчинение к последним и будут, пока что, гнать за ними, постепенно перенимая у них и манеру поиска и справления со скола и вообще всю работу. В этом случае особенно важно, повторяю, чтобы при наганивании молодых старые собаки были безупречны по своим полевым качествам, иначе очень легко испортить с ними и самую хорошую по задаткам

молодежь. Возьмем хотя бы старую собаку, которая или слабоголоса, или привыкла отзываться на жирах (след зверя во время его кормежки). Что получится? Старая собака будет подавать голос, а молодые, еще неопытные, начнут ей подражать. Они также, как и их наставница, имеют чутье и слышат запах зверя, а отсюда заключают, что так и надо поступать и в конце усваивают себе этот недостаток.

Не все собаки, однако, выростая вместе и будучи одной породы, непременно будут и одних ног. Часть из них все-таки будет или паратее других или пешее, и вот тут то при наганивании надо строго просмотреть их ноги и тех, которые отрывают вперед или отстают, следует уничтожить, а оставить лишь середину, которых, конечно, будет больше. Охотники называют это словами: „рубить стае хвост и голову".

О смычке (двух собаках) я не говорю, его всегда можно подобрать для поля и из разнопородных собак, хотя, конечно, желательнее, чтобы он был и однотипен.

Итак, мы имеем теперь понятие о том, какова должна быть стая, а потому перейдем к тому моменту, когда хорошо выкормленная и воспитанная стая поступает наконец в нагонку и ее ведут к острову, избранному для этой цели.

Подойдя со стаей к острову, доезжачий, а если при нем есть выжлятники, то они, подождав несколько минут у опушки, начинают „размыкать стаю", т.-е. снимать с собак смычки сначала с молодых, а затем со старых, чтобы молодые, порываясь за старыми, не визжали и не проносились в остров в голоса, и тут же покидывают

им прикормку, чтобы удержать их около себя возможно долгое время. Затем доезжачий командует стае словами: „Полезь! Полезь, собаченьки!" и, избрав какое-нибудь направление, скрывается с ними в острове и начинает порскать.

Первое время молодые собаки, обрадовавшись воле, кинутся в лес за старыми и начнут носиться за ними, при чем некоторые будут даже взлаивать попусту, но тут надо на них крикнуть: „Врешь!" и хлопать арапником, пока не замолчат. Так надо окрикивать всегда, если доезжачий или выжлятники заметят, что гончая отзывается попусту.

Через некоторое время к доезжачему на его порскание, потеряв старых, станут „подбывать„ (возвращаться) более робкие из молодых и пойдут за ним, уже не суясь в кусты. Их не следует от себя отгонять никаким образом, а тем более арапником, но, ласково оглаживая, подбадривать поазартнее порсканием. Если они не идут в остров и с порскания, то надо дождаться, пока старые и оставшиеся при них некоторые молодые найдут зверя и погонят. Тогда с находящимися при нем молодыми собаками доезжачий должен стараться перенять зверя на каком-нибудь просторном месте: на поляне, широкой дороге или просеке и т. п. по возможности в близком расстоянии, чтобы удобнее показать его собакам и называть, как сказано было выше, возможно азартнее. Если зверь „перелезет" (перебежит) близко и хорошо будет виден гончим, они обязательно (если они не повесы) кинутся к нему и „зальются" (погонят) в голоса, хотя бы сначала на глазок, но затем займутся следом, верхочутые же поведут и дальше.

Раз от разу, узнав, зверя, т.-е. его запах, молодые гончие все прилежнее и прилежнее будут его искать и гонять по нем и тут уже доезжачему следует перейти к другому этапу нагонки — приучению их к свальчивости, т.-е. чтобы гончие быстро кидались на голос нашедшей зверя собаки и гнали дружно — стаей.

Для этого как только отзовется и поведет (погонит) какая-нибудь из собак, особенно старая, что можно определить по голосу, доезжачий, а если они при нем есть, то и выжлятники, должны кричать: „Слушай! К нему! Слушай!" и двигаться быстрее к месту, где отзывается собака. Гончие скоро запомнят этот крик и потом, как только его услышат, станут быстро валиться на гон своего товарища. Бывает, однако, что некоторые гончие не любят валиться в стаю и гонять вместе, а предпочитают сами найти своего зверя и гонять в отбой. Тогда надо такую собаку обязательно подловить в острове и хорошенько пробрать арапником, приговаривая: „В стаю! К нему! В стаю!", а затем, пустить, хлопнуть ей в след еще несколько раз. Если это не подействует сразу, то надо настойчиво повторить несколько раз, а если и это не поможет, то такая собака, как „отдирчивая" встае негодна и должна быть из нее удалена.

Не должно также допускать, чтобы стая раздевалась по двум и более зверям сразу, что допустимо только при охоте по волкам, а надо непременно стараться сбить со следа меньшую по количеству часть стаи и подвалить ее к большей. Некоторые доезжачие для этой цели позволяют себе употреблять ложный назыв, но это прямая

порча гончих, которые перестают после этого на него валиться.

Добиваясь от стаи свальчивости, нельзя упускать из виду, как я сказал выше, самого главного достоинства гончей собаки и одиночной и стайной — вязкости. Приемы для развития этого качества в стае употребляются те же, что и при наганивании одиночек с тою только разницей, что при стайной гоньбе доезжачему реже приходится самому поправлять гончих, так как, беря количеством, они скорее самостоятельно справляются со скала. Повторять описание этих приемов я считаю здесь лишним и перехожу к следующему качеству — позывистости.

Насколько позывистость желательна для гончих одиночек, настолько она необходима для стайных собак.

В самом деле, если одиночная собака непозывиста, то во всяком случае при переходе из острова в остров она догонит своего хозяина и таким образом он не останется без своего помощника. но если непозывиста стайная собака, то она много отнимет времени у охотников. Ведь в острове ее оставить нельзя без риска, что она, побудив зверя, вернет к себе всю стаю из соседнего острова, и приходится иногда долго стоять и дожидаться, пока эта упрямица наконец пожелает выйти из острова. Приучить такую упрямую собаку во-время валиться из острова к рогу, конечно, хотя и не всегда, но возможно, и приемы, употребляемые для этого, мною изложены выше, а потому я их повторять не буду.

Теперь мне остается только сказать кое-что о тех особенностях в наганивании ко-

горые существуют для стаи при нагонке ее по волкам.

Волк — зверь хитрый и осторожный, держится всегда в определенных местах и днем, за исключением матери, никогда не покидает своих логовов. Кругом этого места, как ни странно, всегда особенно много бывает зайцев, а подчас и лисиц. Так вот, если гончие хорошо нагонены по ним, т.-е. по зайцам и лисицам, то очень часто они вместо волков „стекают" (находят) их и начинается гоньба, от которой волки, конечно, немедленно покидают свои логова и целым выводком уходят прочь от гона в какую бы то ни было сторону. В лучшем случае выводок тогда целиком выйдет на одного охотника, но зачастую опытные материки (старые волки), если они на гнезде, проведут выводок так, что никто из охотников его не увидит. Успех охоты на волков заключается в том, чтобы сразу посадить всю стаю гончих на логова и разбить волков в разные стороны, чтобы они поодиночке выходили на охотников. Для этого гончих „бросают„ (пускают) прямо на гнездо. Но не всегда гнездо волков бывает отысканно так определенно и точно, что гончих можно наверняка насадить на них, а очень часто до волков приходится доходить с гончими очень далеко, и вот на этом-то пути гончие-зайчатницы соблазняются по зайцу или лисице и портят охоту.

Чтобы охотиться с гончими исключительно по волкам, их и наганивают только по ним.

Стаю, предназначаемую для охоты по волкам, никогда не набрасывают для проводки в острова,

а водят исключительно за лошадью, т.-е. только тренируют, нагонку же делают по подсадному зверю, добывая молодых волков и затем „сажая" (пуская) их собакам.

Молодого волка обыкновенно пускают стае в самом близком расстоянии в поле, прямо на глазок, и начинают улюлюкать. Старые собаки, конечно, первыми кинутся к нему и повалят, а за ними накроет его и молодежь. Живым волка из-под гончих при этом брать не следует, а надо дать гончим сначала его хорошенько потрепать, а потом зарезать его, чтобы еще больше их обазартить, так как, почуяв запах крови, гончие еще злобнее его возьмут. После такой привалки собакиже хорошо будут знать запах волка и не забудут уникогда.

Дело в том, что для гончей собаки важно только раз попробовать взять какого-нибудь зверя, и после этого ее отучить от этого зверя нельзя никаким образом.

После привалки к молодому волку гончие, как я сказал выше, хорошо запомнят его запах и уже будут готовы для нагонки на вольного зверя. Для этой последней цели обыкновенно выбирают какой-нибудь выводок волков, по большей части в месте, неудобным для охоты на них, и в августе или начале сентября отправляются на него с одними гончими и стараются, чтобы стая сгоняла одного — двух, а то и больше молодых волков. Этим и кончается нагонка по волкам. Такие гончие будут знать только одного зверя волка, и гонять по другим зверям не будут, разве, например, из-под самой морды у них выскочит заяц, да и то они не продержат его долго, а сколовшись, все-таки будут искать чутьем знакомый запах волка.

Скажу еще в заключение изложения нагонки по черноторопу несколько слов о времени года, когда лучше всего наганивать собак.

В настоящее время нагонка разрешена только в течение двух недель в сентябре, но этого времени, конечно, недостаточно, чтобы нагонять и подготовить молодую собаку к полю, и несомненно сроки эти должны быть пересмотрены. По моему мнению самыми лучшими месяцами для нагонки надо считать: май, июнь и август, но ни в коем случае не начинать нагонки с ранней весны, когда еще лес совершенно оголен от листьев, а заяц еще достаточно бел, иначе гончие приучаются гнать зверя на глазок и не стараются пользоваться чутьем.

Вот все, что можно сказать о наганивании гончих по черной тропе, а теперь остается только сказать несколько слов о наганивании по белотропу.

Наганивание по белой тропе. Наганивать молодых собак, первоосенников, по белой тропе, по моему мнению, окончательно вредно. Собака по первой осени еще не совсем хорошо научается пользоваться чутьем даже по черноторопу, когда запах зверя особенно отчетливо чувствуется, по белой же тропе запах этот слышится ею в несколько раз слабее, а между тем ее охотничья страсть заставляет ее настойчиво добиваться его розыска и преследования. В конце-концов собака начинает восполнять недостаток чутья зрением, и так как след зверя ясно виден ей по снегу, то приучается гнать на глазок и подчас забывать о чутье, а затем и вовсе с ним не считаться. Однако, определить глазом точно

свежесть следа она не всегда сумеет, а отсюда является гон и по свежему и по старому следу, иногда даже в пяту, и собака часто портится окончательно. Если и можно охотиться с гончими по белой тропе, то во всяком случае наганивать их по ней надо начинать не ранее, как по прошествии двух осеней, когда гончая уже вполне нагоняется по черноторопу и приобретет достаточный опыт. Нагонка по белой тропе тогда будет состоять лишь в хождении с ней на охоту, а она уже сама в силу приобретенного опыта за две предыдущих осени приспособится к гоньбе по снегу.

В заключение этой брошюры скажу, что в ней изложены лишь основные и элементарные сведения о наганивании гончих, и это ничуть не стесняет охотников в применении к нагонке других разумных приемов, которые они найдут нужным употребить в разных случаях, сообразно темпераменту и вообще характеру своих собак.